

— Мин-гер?

— Ци-гер!

Не дожидаясь, пока мужчины отреагируют, оба гера уже вприпрыжку кинулись друг к другу и крепко сцепили руки.

Янь Ци оглядел его с головы до ног: одежда опрятная, вид бодрый, не похоже, чтобы тот терпел какие-то лишения. Сердце его немного успокоилось, он спросил с заботой:

— Как же ты сюда попал? Неужто нездоровится?

Сяо Минмин слегка покачал головой и едва слышно, так что услышать мог лишь Янь Ци, сказал:

— Всё со мной хорошо... Это Чансуй с матерью настояли — велели сходить к лекарю, пускай проверит пульс, чтобы не тревожиться.

Минмин был по природе робок: стоило встретить чужих, и голоса у него едва хватало, но если кого принимал в сердце, то относился преданно и без остатка. Он и Янь Ци повстречались на дороге. Родом они были не из одного села, но обоим пришлось пережить утрату многих близких. Перед входом в город у Янь Ци ещё оставалась мать, а у Сяо Минмина не стало обоих родителей; был один старший брат, но и тот погиб в пути - пал жертвой чужой жестокости, когда пытался раздобыть брату лишний кусок еды.

Оба гера так и держались рядом: вместе переносили голод, вместе проходили сквозь опасности, и это стало для них узами подлинного братства, рождённого в беде.

На самом деле мало кто знал: ещё в Шуанцзине семья Шэнь хотела забрать к себе Сяо Минмина. Говорили, мол, хоть и щуплый он да невелик ростом, но всё же проворный, мог бы сгодиться хоть на чёрную работу. Но Сяо Минмин помнил слова Янь Ци, сказанные в дороге: идти в богатый дом и становиться там слугой далеко не лучше, чем выйти замуж за бедняка и быть законным супругом. Если ты раб у хозяина, тот вправе и бить, и бранить, да и вся жизнь твоя дальше того порога никуда уже не уйдёт. Что это за радость?

К тому же в их отряде нашёлся один гер, который и прежде с ними ладил плохо, тот нарочно подговорил управляющего, приехавшего от семьи Шэнь выбирать людей: мол, Янь Ци болен, а раз Сяо Минмин с ним неразлучен, значит, наверняка тоже заразился. Управляющий, услышав это, немедля велел свахе Чжао убрать обоих, и в итоге их так и не взяли, лишь забрали заранее отобранных.

Теперь, прожив несколько дней в семье Лин и убедившись, что люди там добрые и честные, Сяо Минмин только сильнее почувствовал правоту слов Янь Ци. К счастью, он тогда его

послушал, и теперь сердце его было полно благодарности.

Двое геров не виделись уже давно, им нашлось бы многое рассказать друг другу, но не успели они обменяться и парой фраз, как Ма Ху-цзы вышел вынести лекарство. Он принял плату, а затем позвал Сяо Минмина внутрь, чтобы проверить пульс.

Хо Лин понял, что Янь Ци не по душе расставаться так быстро, и сказал:

— Нам ведь торопиться некуда. Подождём их немного. Потом заберём масло и вместе вернёмся в деревню, по дороге и поговорить будет с кем.

Янь Ци тут же просиял.

Пока ждали, делать было нечего. Хо Лин указал на травы, что сушились во дворе у Ма Ху-цзы, и стал рассказывать Янь Ци, какие из них можно встретить в горах Байлуншань.

В родных местах Янь Ци такого промысла, как хождение в горы за добычей, вовсе не знали. Там тоже были горы, но не такие высокие и дремучие. Жили разве что охотники, как его отец, однако в тех горах не водилось столько дорогих даров природы, чтобы прокормить целое сословие горных промысловиков.

Не так, как в Байлуншане. С давних времён ходила молва, будто в тех горах есть три сокровища: женьшень, соболиные шкуры и ула-трава. Были и иные варианты, к примеру, оленьи рога, линчжи и прочее, — всё то, что уже по названиям звучало редкостным и дорогим.

Янь Ци спросил у Хо Лина, встречались ли ему эти вещи. Хо Лин кивнул:

— Ула-траву ты уже видел, её каждая семья держит, чтобы застилать лежанки. Остальное тоже проходило через мои руки.

Однако даже если удастся достать такие редкости, перекупщики всё равно сильно сбивают цену. Пусть даже известно, что, переправив товар вглубь страны, они перепродадут его в несколько раз дороже, поделаться с этим ничего нельзя.

Янь Ци понимал эту логику:

— Так и должно быть. У людей есть дороги, они могут ходить на юг и на север, торгуя повсюду, значит, и расходы в пути должны отбивать.

Он рассказал Хо Лину, что на дороге за заставой им часто попадались торговые караваны:

— Некоторые, с добрым сердцем, давали нам немного еды и позволяли идти следом, а иные гнали прочь. От таких мы старались держаться подальше, чтобы не досаждать.

Хо Лину тяжело было слушать такие слова. Он сжал губы и сказал:

— Теперь, пока я рядом, никто тебя не обидит.

Янь Ци вовсе не имел в виду ничего особенного, за всё это время он пережил слишком многое и давно научился не принимать лишнего близко к сердцу. Но слова Хо Лина прозвучали так внезапно, что сердце его всё же ухнуло и забилось сильнее.

Хо Лин заметил, как у него мигом запылали уши, и сам смутился. Гер прикрыл губы ладонью и кашлянул, будто оправдываясь. Хо Лин встревожился:

— Тебе нехорошо?

Только что же был здоров, отчего так вдруг вспыхнул? Не поднялась ли опять температура?

Он протянул ладонь, собираясь коснуться лба Янь Ци, но тот прекрасно понимал, что не в лихорадке дело. Эти его заботливые движения лишь смутили ещё больше. Смешно и неловко, и лицо горит. Он пробормотал, спеша отвернуться:

— Я не горячий.

Тут же, чтобы оправдаться, потёр мочку уха и соврал наугад:

— Я... я всегда так, наверное, ветер обдул.

— Это моя вина, — нахмурился Хо Лин. — В такую ясную погоду зачем я держал тебя на ветру? Надо было в доме подождать.

Он поспешно взял Янь Ци за руку и увёл его в дом, что как раз оказалось кстати: Ма Ху-цзы уже закончил осмотр Сяо Минмина и выписал ему несколько дней тёплых укрепляющих снадобий. Лин Чансуй достал из-за пазухи мешочек с деньгами и стал отсчитывать медные монеты — те самые, что недавно скопил, подрабатывая в городе в свободное от полевых работ время. Пригодились как раз вовремя. Хорошо, что были эти сбережения, иначе Лин Чансуй не смог бы выделить денег, чтобы взять для Сяо Минмина лекарства.

Перед тем как покинуть деревню Маэр, Хо Лин зашёл в маслобойню семьи Ван за ламповым маслом. Янь Ци хотел было помочь ему поднять один из кувшинов, но Хо Лин отстранил его руку:

— Иди поговори с Мин-гером. Два таких бутыля масла тяжеловаты.

Послушавшись, Янь Ци с Сяо Минмином отстали позади, оставив мужчин впереди, и зашагали размеренно, вполголоса переговариваясь. Убедившись, что Хо Лин с Лин Чансуем их уже не услышат, Сяо Минмин тихонько спросил:

— Сяо Ци-гер, как брат Хо к тебе относится?

Янь Ци догадался: вот оно, наконец вырвалось наружу то, что друг держал в себе всё это время. Он ответил спокойно:

— Относится ко мне хорошо. Не говоря уж о прочем, даже когда я был так болен, он ни разу не выказал неприязни. Уже этого достаточно, чтобы понять, что человек он добрый.

Но Сяо Минмин нахмурился:

— А я всё равно немного боюсь его. Взгляд у него холодный, к тому же он всё время носит при себе нож.

Такие мужчины всегда наводили на мысль: вдруг он снаружи один, а дома совсем иной?

Янь Ци улыбнулся и мягко возразил:

— Он ведь в горах промышляет, нож для него что для земледельца мотыга или лопата. Привычка.

Сяо Минмин обхватил его под руку и усмехнулся:

— Вот видишь, ты уже сам за него заступаешься.

Янь Ци лишь улыбнулся. Немного подумав, он закатал рукав и показал другу небольшой деревянный амулет-тыковку на красном шнурке и смущённо пояснил:

— Это он мне подарил. Сказал, раз я по ночам всё просыпаюсь от кошмаров, то персиковое дерево помогает от испуга.

Сяо Минмин внимательно посмотрел и искренне обрадовался за него:

— Значит, и правда думает о тебе.

Тогда Янь Ци в ответ спросил, как у него самого в доме Лин. Сяо Минмин глянул на высокую спину Лин Чансуя и сказал:

— Живут они трудно, это видно. Но нам-то что ещё нужно? Лишь бы было во что одеться и чем насытиться, для нас это уже словно жизнь у богов. И он сам, и его мать люди простые, без придирок, не те, что изводят попусту.

В сущности, оба перед встречей боялись, что у другого жизнь окажется хуже, чем у себя. А теперь, расспросив и успокоившись, они решили почаще навещать друг друга.

После возвращения от лекаря семья села за скромный обед. Хо Фэн и Е Супин расспросили Янь Ци о его болезни. Узнав, что диагноз остался прежним и лишь выписаны травы для укрепления здоровья, они успокоили его и велели не тревожиться.

Убрав со стола, каждый разошёлся по своим делам — деревенская работа не знает конца.

Хо Лин взвалил на плечо сельхозорудия и отправился вместе с Хо Фэном в поле. Из-за приезда Янь Ци он задержался дома на несколько дней, тогда как обычно оставался лишь на два дня: после рынка наутро снова уходил в горы. Теперь же воспользовался этим временем, чтобы помочь старшему брату на земле.

У семьи Хо сейчас было пять му земли: два засеяны пшеницей, два — сорго, оставшийся му — кукурузой. Из них дороже всего ценится пшеница, затем сорго, а кукуруза даёт самый обильный урожай.

Но даже так, после уплаты поземельного налога, урожая с этих пяти му на годовой прокорм всей семьи не хватало, приходилось докупать зерно. Хо Фэн как-то считал с Хо Лином: если бы прибавить ещё три му, то в хорошие годы они смогли бы жить полностью на своём хлебе.

Однако хорошая земля стоила дорого, да и участок не должен быть слишком далеко от нынешних полей, иначе в страду не уследишь. К тому же Хо Лин долго не женился, и Хо Фэн не позволял ему трогать накопленное серебро. Ведь если играть свадьбу по всем правилам, с выкупом и пиром, без десятка-другого лян серебра никак не обойтись. Дело с покупкой земли так и оставалось отложенным, и о нём уже давно не заводили речи.

Хо Лин на поле был лишь в одной лёгкой рубахе, рукава закатаны высоко, плечи в работе ходили ходуном, и вскоре он вспотел до нитки. Присев отдохнуть на межи, он глянул на распаханную землю перед собой и поделился с братом мыслями, что вертелись в голове несколько последних дней.

— Хоть Ци-гер формально уже вошёл в дом, — сказал он, — я думаю, что обряд всё же нельзя упускать. Следует выбрать хороший день, устроить пир, а потом сходить на могилу к отцу и матери. Будет чем перед ними оправдаться.

Помолчав, он добавил:

— Сейчас у меня на руках есть немного серебра. Как устроим пир, пересчитаю, что останется. Если подвернётся подходящий участок земли, может, и стоит купить пораньше.

То, что Хо Лин решил непременно устроить свадебное угощение, Хо Фэна не удивило. Как и с его упрямым промыслом в горах - не слушает никого: если что задумал, обязательно исполнит.

— Пир справить действительно стоит, — согласился Хо Фэн. — Во-первых, чтоб люди видели: наша семья довольна Ци-гером, и нам не жаль денег на угощение. А во-вторых, скажу прямо: за последние годы ты немало выложил на деревенские свадьбы и похороны, да ещё на всевозможные стодневные и месячные пирушки. Теперь и у нас повод есть, можно часть тех долгов людских вернуть. В этом и кроется вся морока с этими «обменами любезностями».

Это была чистая правда. Хо Лин никогда не скупился на подарки, и все понимали: такие дела всегда взаимные. Уважающие себя люди держат в сердце свою «книгу счётов» — кто что подарил и как ответил. И если кто-то получил щедрый дар, а в ответ отделался бедностью, за тем потянутся разговоры за спиной. А хозяйева, устраивая пир, стараются приготовить угощение на славу, тогда никто не сочтёт свои деньги напрасно потраченными, и обе стороны получают добрую молву.

— Значит, тем более нужно справить пир, да ещё как следует, — заключил Хо Фэн.

Хо Лин стянул сапоги, выколотил изнутри налипшую землю, снова обулся, подпрыгнул на месте, разминая плечи.

— Я завтра... нет, пожалуй, лучше послезавтра поднимусь в горы. Там накопаю лесных корений, пятнадцатого числа как раз успею спуститься на большой рынок, выручить немного серебра для пира. Ещё пару капканов выставлю: если добудется зверь, к столу будет хорошее блюдо.

— Стоит лишь заговорить о горах, и у тебя глаза загораются, — усмехнулся Хо Фэн, вставая вслед за братом.

Весна в этих краях холодная и короткая. Едва миновала последняя стужа, начиналась весенняя пахота. Для двух крепких мужчин возделывать участок земли в пять му оказалось делом всего одного дня.

При вспашке вывернули немало жирных дождевых червей. Их собрали в горшок, чтобы скормить курам. Дома, когда их достали, Хо Ин закричала во всё горло, визжа то ли от страха, то ли от восторга.

Услышав шум, из кухни вышел Янь Ци с двумя чашками воды.

— Старший брат? — сказал он. — Вот, выпейте.

Хо Лин взял чашку:

— Старший брат повёл Инцзы во двор червей курам кидать. Его порцию я тут оставлю.

Он отпил глоток и, заметив на Янь Ци завязанный фартук, удивлённо спросил:

— Это ты сегодня за ужин принялся?

Тут как раз сзади вошла Е Супин, неся в охапке вязанку свежего хвороста: только что развела огонь, а в кухне дров почти не осталось, вот и пошла в дровяник. Услышав сказанное, она с упрёком в голосе откликнулась:

— Всё со мной спорит! Полвечера спорил. Я ведь хотела, чтоб он ещё полежал, ведь только-только болел, разве у нас некому еду варить?

Янь Ци поспешно протянул руки принять у неё вязанку и смущённо сказал:

— Я уже совсем оправился. Как же так - каждый день сидеть без дела, только есть готовое? Даже если вы не вините меня за лень и нерасторопность, я сам бы всё равно места себе не находил.

Хо Лин, услышав это, тут же сунул обратно чашку Янь Ци и сам взялся помочь донести хворост на кухню. Е Супин, проходя следом, многозначительно взглянула на Янь Ци и тихонько поддразнила:

— Смотри-ка, какой у нас второй брат заботливый.

Янь Ци вспыхнул, лишь плотно сжал губы в улыбке и не стал ничего отвечать.

Зайдя в кухню, Хо Лин увидел, что на плите уже приготовлено несколько блюд: в железном котле парился рис, и густой запах свежесваренного зерна разливался по всему дому. На столике рядом в мисках в воде замочены сушёные овощи — ломтики картофеля и колечки огурца, а ещё лежала тарелка с сушёным тофу. В это время года в доме всё ещё ели зимние запасы: либо свежие овощи из погреба, либо заготовленные перед первым снегом сушёные продукты.

— Сделаю жареную картошку с огурцом, а к ней потушу в соусе тофу, — сказал Янь Ци. Увидев, что Хо Лин с жадным видом вдыхает запах, он решил, что тот голоден, и поспешно добавил:

— Я управлюсь быстро, через четверть часа ужин будет на столе.

Сказав это, он вытер ладони о фартук, взялся за нож и несколькими лёгкими движениями нарезал тофу ровными брусочками шириной с палец. Затем он снял со стены несколько сухих стручков перца, добавил к очищенному чесноку: перец порезал кусочками, чеснок тонкими пластинами. Закончив, смахнул всё к краю разделочной доски, приготовив к скорой закладке в сковороду.

По одной только сноровке сразу было видно — этот гер вовсе не на словах, а на самом деле привык стоять у очага, дома наверняка часто сам управлялся с готовкой.

Незаметно Е Супин уже вышла, оставив их вдвоём. Хо Лин, будто само собой, подтянул ногой табурет, сел рядом и взялся разводить огонь. Янь Ци сперва хотел сказать, что в этом нет нужды: в прежние годы, когда старший брат его отца ещё не делил хозяйство, в доме вместе с дедом и бабкой жило десять человек, и он один готовил на всех, справляясь без посторонней помощи. Что уж говорить про нынешний дом Хо, тут всего лишь пять ртов.

Но, увидев, как Хо Лин молча склоняется к очагу, а отблеск пламени ярко освещает его глаза, и при этом тот не помышляет уходить, Янь Ци промолчал. В глубине души ему даже было приятно находиться рядом.

Так, вдвоём, слаженно работая, они скоро справились с ужином. На столе появилось горячее, ароматное угощение, от которого шёл густой пар.

<http://bllate.org/book/13599/1205865>